

DOI: 10.17803/1994-1471.2020.114.5.019-027

В. В. Грамматиков*

Природа деформации профессионального правосознания (на примере адвокатской деятельности)

Аннотация. Качествен и уровнем развития правового сознания юриста предопределяется степень защищенности прав и свобод человека, а также состояние законности и правового порядка. С учетом изложенного борьба с проявлениями деформации профессионально-правового сознания является актуальной проблемой построения правового и социального государства. Профилактика и устранение профессиональной деформации юриста невозможны без установления причин ее возникновения. Статья посвящена исследованию сущности деформации правосознания юриста, выявлению внешних и внутренних факторов, способствующих ее появлению, а также поиску причин формирования данного негативного явления правовой действительности, осуществленным на примере в том числе адвокатской деятельности. Отмечается, что обстоятельства, приводящие к искажениям профессионального правосознания, воздействуют на представителей юридического сообщества одинаково или почти одинаково, однако лишь меньшая часть из них нарушает требования правовых норм и корпоративной этики. Возникает закономерный вопрос о причинах, по которым указанные «аномалии» структуры правового сознания в одних случаях возникают, а в других нет. Автор, основываясь на общих методах познания и таких частнонаучных методах, как эмпирический и сравнительно-правовой, делает следующий вывод: «спусковым крючком» профессиональной деформации как юриста, так и любого другого лица становится деградация нравственной структуры личности — индивидуально сформированных представлений о совести, стыде, справедливости, мере дозволенного и т.д.

Ключевые слова: правосознание; профессиональное правосознание; деформация; деградация; внешние факторы; внутренние факторы; юрист; адвокат; нравственность; совесть.

Для цитирования: Грамматиков В. В. Природа деформации профессионального правосознания (на примере адвокатской деятельности) // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 5. — С. 19—27. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.114.5.019-027.

The Nature of Professional Legal Consciousness Deformation (A Case Study of Advocates' Work)

Valentin V. Grammatikov, Cand. Sci. (Law) Applicant, Department of Theory of Law and the State,
RUDN University
ul. Miklukho-Maklaya, d. 6, Moscow, Russia, 117198
talisman.valentin@gmail.com

Abstract. The quality and level of development of legal consciousness of an advocate predetermines the degree of protection of human rights and freedoms, as well as the state of law and legal order. Taking into account the above, the struggle against manifestations of deformation of professional and legal consciousness is an urgent

© Грамматиков В. В., 2020

* Грамматиков Валентин Владимирович, соискатель кафедры теории права и государства Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, г. Москва, Россия, 117198
talisman.valentin@gmail.com

problem of building a rule-of-law state. Prevention and elimination of professional deformation of the advocate is impossible without establishing the reasons for its occurrence. The paper is devoted to the study of the essence of deformation of legal consciousness of the advocate, identification of external and internal factors contributing to its appearance, as well as investigation of the reasons of formation of this negative phenomenon of legal reality manifested in advocates' work. It is noted that the circumstances leading to distortions of professional legal consciousness affect all the representatives of the legal community equally or almost equally, but only a smaller portion of legal professionals violate legal norms and corporate ethics. A legitimate question arises concerning the reasons why these "anomalies" of the structure of legal consciousness appear in some cases and do not appear in the others. Based on general methods of cognition and such private scientific methods as empirical and comparative legal methods, the author draws the following conclusion: moral degrading of an individual becomes the "trigger" of professional deformation of both a lawyer and any other person. The moral structure of the individual includes individually formed ideas about conscience, shame, justice, measure of the allowable, etc.

Keywords: legal consciousness; professional legal consciousness; deformation; degradation; external factors; internal factors; advocate; morality; conscience.

Cite as: Grammatikov VV. Priroda deformatsii professionalnogo pravosoznaniya (na primere advokatskoy deyatel'nosti) [The Nature of Professional Legal Consciousness Deformation (A Case Study of Advocates' Work)]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(5):19—27. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.114.5.019-027. (In Russ., abstract in Eng.).

Формирование современного правового Российского государства невозможно без кардинальных преобразований всей духовной сферы общества, в которой существенную роль играет правосознание. Отсюда возникает необходимость изучения проблем деформации правового сознания и причин ее возникновения, в том числе и юристов, которые должны стоять на страже прав, свобод и интересов физических и юридических лиц.

В Новой Российской энциклопедии дается следующая дефиниция такого явления, как деформация (от лат. *deformatio* — искажение) — изменение формы или размеров тела в результате изменения относительного положения его частиц. Возникает вследствие действия внешних сил...¹ В социальных науках под ней понимается изменение формы, искажение сущности чего-либо².

В современной юридической литературе термин «деформация правосознания» рассматривается в качестве парного с такой категорией, как «нормальное» правовое сознание³. Они разнополюсные точки одной оси⁴. «Это означает, что сама деформация выглядит как отклонение от некоей нормы... Явление деформации свидетельствует о наличии нормы, а сама норма подчеркивает возможность существования ее деформации»⁵. Таким образом, указанные понятия взаимосвязанные, но при этом антагонистичные. П. П. Баранов подчеркивает, что «деформация (искажение) правового сознания предполагает некоторый изначальный запас правовых взглядов, знаний, установок, которые в силу разных причин превратились в какие-то иные, неправовые конструкции»⁶. При этом следует обратить внимание на точку

¹ Новая Российская энциклопедия : в 12 т. Т. 5 (2) / редкол.: А. Д. Некипелов, В. И. Данилов-Данильян [и др.]. М. : Энциклопедия, Инфра-М, 2003. С. 189.

² Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 347.

³ См., например: *Вопленко Н. Н.* Очерки общей теории права. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. С. 98 ; *Коробка В. Н.* Деформация профессионального правосознания следователей органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. С. 68.

⁴ См.: *Коробка В. Н.* Указ. соч. С. 68.

⁵ *Вопленко Н. Н.* Очерки общей теории права. С. 98.

⁶ *Баранов П. П., Русских В. В.* Актуальные проблемы теории правосознания, правовой культуры и правового воспитания : учебное пособие. Ростов н/Д : Изд-во СКАГС, 1999. С. 32.

зрения В. А. Щегорцова, в соответствии с которой «категории правового сознания не являются вечными и неизменными. Правовые взгляды, идеи людей, юридические теории находятся в постоянном развитии»⁷. Отсюда следует, что и их деформация — также явление динамичное и зависит от индивидуальных качеств ее носителя, конкретных исторических условий, общего состояния правового порядка и т.д.

Изучаемое негативное явление способно затронуть как часть структуры правового сознания, так и каждый его элемент в совокупности. Оно охватывает все уровни и виды правосознания, то есть может проявляться в индивидуальном, групповом и общественном правосознании, присутствовать в обыденной, теоретической и профессиональной его разновидностях⁸. В. Н. Коробка выделяет следующие ее признаки: 1) негативность, 2) массовость, 3) способность влиять на сопредельные сферы жизни общества, 4) подвижность, 5) наличие степени общественной опасности⁹ (последний в литературе также именуется социальной вредностью¹⁰). Н. Н. Вопленко считает, что деформация правосознания есть негативное искажение идейно-психологической сферы личности или общества, способное причинить вред правовому регулированию общественных отношений и проявляющее себя в области как сознания, так и юридической практике¹¹.

К сожалению, описанные выше тенденции, носящие явно отрицательный характер, свойственны представителям всех юридических специальностей. В научной литературе подобные аномалии принято называть деформацией профессионального правового сознания юристов, которую можно разделить на виды, скажем, в зависимости от профиля их носителей (судья, прокурор, следователь, нотариус, юри-

сконсульт и адвокат и т.д.). Деформация представляет собой отклонение от определенного социального ориентира, профессионального требования, вызывающее изменения в выполнении деятельности и поведении¹².

Представляется, что деформация правового сознания есть результат накопления дефектов, то есть некоторых незначительных отклонений, не обладающих по отдельности вышеозначенными признаками «злокачественных новообразований», но, когда их количественное выражение переходит в качественные изменения состояния психологических и (или) идеологических сфер правосознания, они становятся социально опасными. Думается, все факторы, определяющие возможность профессиональной деформации правосознания юриста, следует делить на внешние и внутренние. Первые выглядят как обстоятельства, являющиеся результатом неблагоприятных условий всей системы народного хозяйства, политической, нравственной жизни общества, объективно сложившиеся в обстановке переходных кризисных эпох развития. Вторые отражают внутренние закономерности деградации какой-то личности или профессионально обособленной группы общества, проявляющиеся в особенностях ее правового положения, средств и методов деятельности, корпоративной этики и в прочих специфических чертах социального статуса.

Система внешних факторов, провоцирующих правовую деформацию у представителей юридических профессий, достаточно разнообразна. Так, Н. И. Матузов указывает на такие причины исследуемого негативного явления правовой действительности, как: 1) социальная напряженность в обществе, 2) экономические неурядицы, 3) региональный сепаратизм, 4) дезинтеграция, 5) отсутствие конституционной законности,

⁷ Щегорцев В. А. Социология правосознания. М. : Мысль, 1981. С. 29.

⁸ Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. С. 98.

⁹ Коробка В. Н. Указ. соч. С. 65—67.

¹⁰ Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. С. 98.

¹¹ Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. С. 99.

¹² См.: Медведев В. С. Психология профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Киев, 1999. С. 28.

б) «некомпетентность и бестолковость чиновников» и др.¹³

Необходимо обратить внимание, что процессы деформации правового сознания, возникающие у различных социально-профессиональных групп юристов, имеют не только общие черты, но и различия, которые могут быть показаны на примере адвокатской деятельности.

А. Леви и А. Папкин выделяют три группы внутренних факторов, ведущих к образованию профессиональной деформации личности адвоката: факторы, обусловленные спецификой деятельности; факторы личностного свойства; факторы социально-психологического характера¹⁴.

Следует отметить, что адвокатской профессии свойственна меньшая степень формализованности и достаточно высокая свобода в выражении мнения по юридическому делу, а также относительная самостоятельность и независимость от государственной политики, чем, например, у судьи, прокурора, следователя. Данная специфика деятельности изучаемой специальности может породить у ее представителей, которые не отличаются законопослушностью и устойчивостью нравственных принципов, чувство вседозволенности и безнаказанности и, соответственно, привести к профессиональным деформациям.

Еще одним фактором, способствующим негативным явлениям в структуре правосознания адвоката, необходимо считать возможность проникновения в адвокатуру лиц, дискредитировавших себя на прежнем месте работы разного рода правонарушениями и даже преступлениями коррупционной направленности (после снятия или погашения судимости). Бывшие работники юстиции, суда, прокуратуры, следственных органов и другие изгнанные из профессии правоведа зачастую обладают и знаниями, и опытом юридической деятельности, поэтому с легкостью могут сдать квалификационный экзамен и приобрести статус адвоката. Но несложно представить, каким образом они

способны проявить себя на новом поприще с подобными наклонностями.

Деформация ценностно-правовых ориентаций, правовых установок, системы побуждений и связанной с ними психологической подструктуры правосознания адвоката, а также природа и содержание названных негативных явлений имеют и ряд других особенностей, вытекающих в том числе из своеобразия изучаемой профессиональной деятельности.

Поведение адвоката должно соответствовать корпоративным этическим нормам, основные начала которых закреплены в Кодексе профессиональной этики адвоката (КПЭА), обязательном для исполнения (п. 2 ст. 4 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Данные нормы имеют некоторые отличия от нравственных критериев и традиций других юридических специальностей: судьи, прокурора, следователя. Это объясняется статусом представителей адвокатского сообщества и содержанием их профессиональной деятельности. Они не входят в систему государственных и муниципальных органов, обладают относительной самостоятельностью и независимостью, их отношения с клиентом носят партнерский, доверительный характер и т.д. Учитывая изложенное, значительная часть КПЭА посвящена взаимоотношениям адвоката с доверителем. Работники же суда, прокуратуры, следственных органов являются представителями власти, поэтому между ними и гражданами (юридическими лицами) формируется иной характер отношений. Отсюда и возникают различия в содержании этических норм. Вместе с тем согласно п. 3 ст. 4 КПЭА в тех случаях, когда вопросы профессиональной этики адвоката не урегулированы законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре или КПЭА, адвокат обязан соблюдать сложившиеся в адвокатуре обычаи и традиции, соответствующие общим принципам нравственности в обществе.

¹³ Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2. С. 3—16.

¹⁴ Леви А., Папкин А. Нравственные и этические требования к адвокату // Российская юстиция. 2003. № 3. С. 25—26.

Следует понимать, что социальные нормы и традиции адвокатского сообщества могут являться субсидиарным источником формирования моральных ориентиров для поведения их представителей. Таким образом, нарушение уникальных корпоративных этических норм, обычаев и традиций отечественной адвокатуры, которые соответствуют принятым в стране нравственным началам, является признаком деформации профессионального правосознания адвоката.

Так, адвокат П. по уголовному делу, которое он вел, перестал отвечать на звонки следователя, являться на следственные действия, о причине неявки не уведомил, о чем следователь и сообщил в Палату адвокатов Нижегородской области. Квалификационная комиссия, рассмотрев дисциплинарное дело, отметила в заключении, что адвокат П. в данном случае нарушил положения п. 1 ст. 8 КПЭА (требование о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей, об активной защите прав, свобод и интересов доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами), п. 2 ст. 13 КПЭА (адвокат не вправе отказаться от защиты по уголовному делу), а также п. 1 ст. 14 КПЭА (требование о необходимости уведомлять об уважительности причин неявки в судебные заседания или на следственные действия). Адвокат П. был привлечен к дисциплинарной ответственности¹⁵.

Адвокатская тайна, то есть любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю, является правовой категорией, свойственной только представителям адвокатуры. В соответствии с ч. 3 ст. 56 УПК РФ не подлежат допросу в качестве свидетелей при соблюдении ряда условий также: судья, присяжный заседатель, священнослужитель, член Совета Федерации, депутат Государственной Думы и др. Однако судья, прокурор, следо-

ватель, дознаватель, в силу специфики профессиональных функций, полученные от граждан и юридических лиц допустимые и относимые сведения обязаны использовать для разрешения гражданских и уголовных дел. Частнопрактикующие юристы и юрисконсульты вообще не связаны профессиональной тайной. Ее разглашение адвокатом расценивается как дисциплинарный проступок и, безусловно, свидетельствует о наличии деформации правового сознания. Показателен случай, описанный в «Вестнике Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». Адвокат С. дал показания против своего доверителя, которые подтвердил в ходе очной ставки, а также передал следственному органу соглашение, полученное им из материалов гражданского дела без согласия и ведома клиента. 14 июня 2006 г. доверитель адвоката С-кий был задержан, ему было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, а 15 июня 2006 г. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. 14 сентября 2006 г. уголовное дело в отношении С-кого было производством прекращено за отсутствием состава преступления. Совет Адвокатской палаты г. Москвы прекратил статус адвоката С.¹⁶

Особо значима в выборе адвокатом позиции по юридическому делу роль повышенной социальной чувствительности к нарушениям справедливости и нравственно-правовой совести. Их утрата, бесспорно, ведет к профессиональной деформации. Безразличный к клиенту и его проблемам специалист исповедует в работе исключительно прагматичный, инструментальный подход. Его сложно призвать к ответу, так как формально им выполнены обязанности: явка по делу обеспечена, ходатайство подано, жалоба направлена в сроки, установленные законом, но не больше.

Члены адвокатского сообщества, в отличие от судей, прокуроров, следователей, не находят-

¹⁵ Обзор дисциплинарной практики адвокатских палат субъектов Российской Федерации за 2013 год (Департамент по адвокатуре ФПА РФ 29.05.2014) // Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2014. № 3 (46). С. 37—38.

¹⁶ Московский адвокат лишен статуса за разглашение профессиональной тайны // Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2007. № 1 (15). С. 77—83.

ся на государственном обеспечении, не получают заработную плату. Вознаграждение (гонорар) им выплачивает, как правило, доверитель¹⁷. И некоторые недобросовестные представители изучаемой профессии поддаются «искушению» неправомерно обогатиться посредством своей безнравственной деятельности. Отсюда могут возникнуть специфические отклонения в поведении адвоката и, соответственно, деформации его правосознания, которые не присущи либо практически не присущи другим юристам.

Следует остановиться на них более подробно.

Примером подобной девиации служат случаи введения адвокатом в заблуждение своего доверителя относительно того, что полученные от последнего денежные средства сверх гонорара будут переданы тому или иному должностному лицу для достижения «положительного» исхода дела. Если желаемый результат наступил, деньги присваиваются. При отрицательном исходе, как правило, возвращаются в сопровождении «легенды» о причинах неудачи. Данные действия содержат в себе признаки состава преступления, предусмотренного ст. 159 «Мошенничество» Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Подобное правонарушение характеризуется высокой степенью латентности. Это объясняется нежелательностью для клиента огласки его попытки совершить противоправное деяние. Адвокату с указанными профессиональными деформациями свойственно неуважение к праву, к лицу, которому он должен оказывать правовую помощь, к корпоративным этическим нормам и адвокатскому сообществу в целом. Доверитель и профессиональная деятельность в его понимании — всего лишь средства материального обогащения. Такой «правовед» зачастую не затрудняет себя скрупулезным и кропотливым исполнением обязанностей. Им делается ставка не на квалификацию и опыт, а на обман клиента.

В правоприменительной практике встречаются ситуации, когда представитель адвокатского

сообщества выступает подстрекателем, посредником или исполнителем таких преступлений, как дача взятки и посредничество во взяточничестве (ст. 291 и ст. 291.1 УК РФ). Данные правонарушения совершаются с целью неправомерного достижения «нужного» результата для его клиента и желания больше заработать. Противоправные деяния такой категории также обладают свойством скрытности по причине сложности их выявления и доказывания. Носитель описанных деформаций профессионального правосознания отличается крайней формой пренебрежения к закону, правопорядку и своим функциям. Юридическая деятельность для него — это только путь к обогащению. Для подобного адвоката обычно характерно формальное участие в процессуальной работе, поскольку в своей практике он опирается не на квалификацию, а на коррупционные средства и способы.

Ложно понятые интересы профессиональной деятельности, жажда наживы или гипертрофия «оправдательного уклона» в мышлении могут подтолкнуть адвоката на совершение другого правонарушения — фальсификации доказательств (ст. 303 УК РФ). Означенные действия также преследуют цель незаконного изменения хода гражданского или уголовного дела в пользу клиента. По делам об административных правонарушениях также имеются примеры использования указанных методов.

Согласно п. 3.1 ст. 9 КПЭА сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в ходе осуществления адвокатской деятельности несовместимо со статусом адвоката. Между тем имеются отдельные факты пренебрежения этим запретом. Встречаются адвокаты, игнорирующие корпоративные этические нормы, которые проявляют «лояльность» при исполнении обязанностей в угоду стороны обвинения и вопреки интересам подзащитного. Как правило, таким образом они пытаются расширить свою клиентскую базу и, соответственно, доходы за счет рекомендаций «благодарных» следователей и дознавателей

¹⁷ В отдельных случаях оплата труда адвоката компенсируется за счет государства, например согласно ч. 5 ст. 50 УПК РФ, ст. 26 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и т.д.

среди подследственных. У указанных институтов разные цели и назначение.

Осуществляя профессиональные функции, недобросовестный представитель адвокатуры способен также ввести в заблуждение своего доверителя относительно объемов предстоящей или произведенной работы, степени сложности дела или реальности опасности, которая по нему возникла. Обман в данном случае направлен на завышение гонорара, саморекламу и преувеличение собственной роли в разрешении проблем правового характера у клиента.

В погоне за заработком некоторые члены адвокатского сообщества принимают к производству большее количество дел и поручений от доверителей, чем могут вести и выполнить. Опасность такого поведения заключается в том, что оно ведет к снижению качества выполняемой работы и в конечном итоге к нарушению права клиента на оказание ему квалифицированной юридической помощи. Согласно пп. 5 п. 1 ст. 9 КПЭА адвокат не вправе принимать поручения на оказание юридической помощи в количестве, заведомо большем, чем адвокат в состоянии выполнить.

Приведенная типология поведенческих отклонений представителей адвокатуры составляет содержание наиболее распространенных разновидностей деформации их правового сознания. Судья, прокурор, следователь выполняют государственно-властные функции, поэтому содержание их труда не предполагает таких доверительных взаимоотношений с другими участниками судопроизводства, как это происходит в адвокатской среде при взаимодействии с клиентами. Поэтому описанные выше примеры профессиональной деформации им несвойственны либо у них иная форма выражения, мотивы. Если работники суда, прокуратуры или следственных органов пытаются неправомерно получить или получают от участников судопроизводства денежные средства или иные материальные ценности, то их действия могут быть квалифицированы в зависимости от обстоятельств дела по ст. 290 «Получение взятки» или ст. 159 «Мошенничество» УК РФ и т.д. Адвокат же не является субъектом преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, поскольку не

относится к должностным лицам. Имеют место случаи фальсификации доказательств и со стороны правоохранительных органов. Они, как правило, совершаются из карьеристских устремлений, иногда корыстных.

Юрисконсульт и частнопрактикующий юрист выполняют сходные с адвокатом функции, но только по гражданским делам, поэтому могут совершать перечисленные выше противоправные действия в рамках данной деятельности. Между тем они, за некоторыми исключениями, не вправе осуществлять полномочия защитника по уголовным делам.

Изучение аномалий правового сознания юриста, их природы, причин и проявлений, произведенное в том числе и на примере адвокатской деятельности, позволяет дать определение указанному явлению правовой действительности. Итак, деформация профессионального правосознания представляет собой негативное и социально вредное отклонение от нормы рационально-психологических элементов его системы, происходящее на индивидуальном или групповом уровнях и способное нанести урон юридической практике, правам и законным интересам физических и юридических лиц, государству и правопорядку в целом.

При анализе содержания, свойств, особенностей и признаков описанных выше искажений правосознания юриста, а также факторов, способствующих им, возникает закономерный вопрос о причинах, по которым они в одних случаях возникают, а в других нет. Обстоятельства, приводящие к деформации правового сознания, воздействуют на представителей изучаемой профессии одинаково или почти одинаково, однако лишь меньшая часть из них нарушают требования правовых норм и корпоративной этики. Что же является основанием появления и закрепления названных негативных изменений психологической сферы того или иного правоведа? Для каждого человека этот процесс, очевидно, индивидуален, хотя имеется и общая закономерность: влияние внешних факторов и предрасположенность внутренней психологической организации индивида. Думается, «спусковым крючком» профессиональной деформации как

юриста, так и любого другого лица становится деградация нравственной структуры личности — индивидуально сформированных представлений о совести, стыде, справедливости, мере дозволенного и т.д. Это связано с тем, что «правосознание невозможно представить в “чистом” виде, как только осознание права, вне связи с сознанием моральным, рассматривающим объекты познания и оценки через призму добра и зла, хорошего и плохого, справедливого и несправедливого. Вместе с тем правосознание есть нравственно-правовой сплав идей, теории, взглядов, чувств, настроений и переживаний в сфере юридического долженствования»¹⁸. Большую роль здесь играет совесть, которая «в единстве трех элементов своего содержания предстает как способность личности осознавать, чувствовать и принимать нравственно-ответственные решения в процессе повседневной

жизнедеятельности. Ее сердцевину составляет самокритика, самооценка и самоконтроль собственных мыслей и поступков перед требованиями нравственного закона, предполагающего приоритет добра над злом»¹⁹. Совесть — это нравственно ориентированная работа профессионально-индивидуального правосознания, активизирующего такие интимно-личностные качества индивида, как понимание долга, ответственности, стыд, интуиция и т.д.²⁰ Поэтому искажение сферы нравственности неминуемо и приводит к негативным явлениям структуры профессионального правового сознания.

Таким образом, одной из основных причин профессиональной деформации адвоката является деградация нравственной структуры его личности — индивидуально сформированных представлений о совести, стыде, справедливости, мере дозволенного и т.д.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баранов П. П., Русских В. В. Актуальные проблемы теории правосознания, правовой культуры и правового воспитания : учебное пособие. — Ростов н/Д : Изд-во СКАГС, 1999. — 80 с.
2. Большой энциклопедический словарь. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. — 1456 с.
3. Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. — 898 с.
4. Вопленко Н. Н. Совесть как нравственно-правовой аспект правоприменения // Правовая политика и правовая жизнь. — 2015. — № 1 (58) . — С. 21—31.
5. Коробка В. Н. Деформация профессионального правосознания следователей органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д, 1999. — 202 с.
6. Леви А., Папкин А. Нравственные и этические требования к адвокату // Российская юстиция. — 2003. — № 3. — С. 25—26.
7. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. — 1994. — № 2. — С. 3—16.
8. Медведев В. С. Психология профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. — Киев : Киевский университет им. Т. Шевченко. 1999. — 35 с.

¹⁸ Вопленко Н. Н. Совесть как нравственно-правовой аспект правоприменения // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 1 (58). С. 26.

¹⁹ Вопленко Н. Н. Совесть как нравственно-правовой аспект правоприменения. С. 25.

²⁰ См.: Вопленко Н. Н. Совесть как нравственно-правовой аспект правоприменения. С. 26.

9. Московский адвокат лишен статуса за разглашение профессиональной тайны // Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. — 2007. — № 1 (15). — С. 77—83.
10. Обзор дисциплинарной практики адвокатских палат субъектов Российской Федерации за 2013 год (Департамент по адвокатуре ФПА РФ 29.05.2014) // Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. — 2014. — № 3 (46). — С. 13—58.
11. *Щегорцев В. А.* Социология правосознания. — М. : Мысль, 1981. — 174 с.

Материал поступил в редакцию 14 сентября 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Baranov P. P., Russkix V. V. Aktualnye problemy teorii pravosoznaniya, pravovoj kultury i pravovogo vospitaniya : uchebnoe posobie. — Rostov n/D : Izd-vo SKAGS, 1999. — 80 s.
2. Bolshoj enciklopedicheskiy slovar. — 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Bolshaya Rossiyskaya enciklopediya, 1998. — 1456 s.
3. Vopenko N. N. Ocherki obshhej teorii prava. — Volgograd : Izd-vo VolGU, 2009. — 898 s.
4. Vopenko N. N. Sovest kak нравstvenno-pravovoj aspekt pravoprimeneniya // Pravovaya politika i pravovaya zhizn. — 2015. — № 1 (58) . — С. 21—31.
5. Korobka V. N. Deformaciya professionalnogo pravosoznaniya sledovatelej organov vnutrennix del : dis. ... kand. yurid. nauk. — Rostov n/D, 1999. — 202 s.
6. Levi A., Papkin A. Nравstvennye i eticheskie trebovaniya k advokatu // Rossiyskaya yusticiya. — 2003. — № 3. — С. 25—26.
7. Matuzov N. I. Pravovoj nigilizm i pravovoj idealizm kak dve storony «odnoj medali» // Pravovedenie. — 1994. — № 2. — С. 3—16.
8. Medvedev V. S. Psixologiya professionalnoj deformacii sotrudnikov organov vnutrennix del : avtoref. dis. ... d-ra psixol. nauk. — Kiev : Kievskij universitet im. T. Shevchenko. 1999. — 35 s.
9. Moskovskij advokat lishen statusa za razglashenie professionalnoj tajny // Vestnik Federalnoj palaty advokatov Rossijskoj Federacii. — 2007. — № 1 (15). — С. 77—83.
10. Obzor disciplinarnoj praktiki advokatskix palat subektov Rossijskoj Federacii za 2013 god (Departament po advokature FPA RF 29.05.2014) // Vestnik Federalnoj palaty advokatov Rossijskoj Federacii. — 2014. — № 3 (46). — С. 13—58.
11. Shhegorcev V. A. Sociologiya pravosoznaniya. — M. : Mysl, 1981. — 174 s.